

Библиография

Федор Николаи

Культурная история и социальные исследования счастья

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_292

Иллуз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан: как индустрия счастья контролирует нашу жизнь /

Пер. с англ. А. Рахманько.

М.: АСТ, 2023. — 352 с. — 2000 экз.

Critical Happiness Studies /

Ed. by N. Hill, S. Brinkmann, A. Petersen.

L.; N.Y.: Routledge, 2020. — 198 p.

Stearns P.N. Happiness in World History.

N.Y.; L.: Routledge, 2021. — 226 p. — (Themes in World History).

The Routledge History of Happiness /

Ed. by K. Barclay, D. McMahon, P.N. Stearns.

L.; N.Y.: Routledge, 2024. — 471 p. — (Routledge Histories).

Культурная история и социология эмоций активно развиваются уже более сорока лет¹. Важным их элементом, редко привлекающим внимание российских ученых²,

---

1 См., например: *Плампер Я.* История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018; *Frevert U.* Writing the History of Emotions: Concepts and Practices, Economies and Politics. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2024; *The Routledge History of Emotions in the Modern World / Ed. by K. Barclay, P.N. Stearns.* L.; N.Y.: Routledge, 2022.

2 Именно социально-культурным исследованиям счастья, а не экономическому благополучию, посвящено совсем немного работ. См., в частности: *Топография счастья: этнографические карты модерна / Сост. Н. Скорин-Чайков.* М.: Новое литературное обозрение, 2013; *Гончарова О.О.* Счастье для всех: забытый концепт или новое осно-

являются исследования счастья, или «поворот к счастью»³. Барбара Розенвейн насчитывает 887 работ о счастье, написанных с 1950 по 1980 г., и 8346 исследований 1981—2011 гг.⁴ В рамках этого бума долгое время преобладал тезис о господствующей в современном обществе зависимости счастья от уровня экономического благополучия. Но в последние годы особое внимание привлекают три проблемы: историчность современных представлений о счастье, их относительность и вариативность даже в эпоху модерна; темпоральные составляющие счастья, то есть его направленность в прошлое или будущее, и, наконец, неразрывная взаимосвязь представлений о счастье с масштабным комплексом негативных эмоций и ощущений (усталости и одиночества, обиды и ressentiment), терапевтическим противоядием от которых и выступает нормативная модель счастья как благополучия. С этой точки зрения в исследованиях счастья интересна не только их социологическая составляющая, но и возможность нового прочтения, казалось бы, хорошо знакомых текстов, например тезисов В. Беньямина «О понятии истории». Наиболее широкую известность и множество интерпретаций получили первый и девятый тезисы — о шахматном автомате и ангеле истории, тогда как второй, посвященный именно счастью, оказался несправедливо забыт. Напомним его фрагмент, в котором поразительным образом переплетаются все три волнующие современных исследователей проблемы: «К наиболее примечательным свойствам человеческой души, — замечает Лотце, — принадлежит <...> наряду с таким множеством эгоизма в отдельном человеке всеобщая независтливость любой современности по отношению к будущему». Из этого положения следует, что образ счастья, нами лелеемый, насквозь пропитан временем, в которое нас определил ход нашего собственного пребывания в этом мире. Счастье, способное вызвать нашу зависть, существует только в атмосфере, которой нам довелось дышать, у людей, с которыми мы могли бы беседовать, у женщин, которые могли бы нам отжаться. Иными словами, в представлении о счастье непременно присутствует представление об избавлении. С представлением о прошлом, которое история выбрала своим делом, все обстоит точно так же»⁵.

Как устроена современная «фабрика счастья»

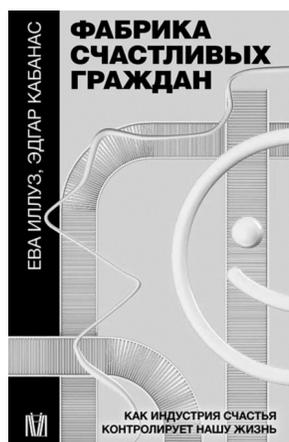
Начать разговор о культурной истории и социологических исследованиях счастья можно с недавно вышедшей в русском переводе книги «Фабрика счастливых граждан» известного израильского социолога *Евы Иллуз* и испанского психолога *Эдгара Кабанаса*, которые доказывают, что наши представления о счастье в 2000-е гг. существенно изменились по сравнению с эпохой модерна. «Наше культурное во-

---

вание социального порядка? // Социология власти. 2019. № 4. С. 185—209; *Долзов А.Ю.* Понятие счастья в социальной теории: классические и современные подходы к концептуализации // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2020. № 3. С. 11—30.

- 3 См., например: *Ahmed S.* The Happiness Turn // *New Formations: A Journal of Culture, Theory, Politics.* 2008. Vol. 63. P. 7—14; *Idem.* *The Promise of Happiness.* Durham: Duke University Press, 2010; *McMahon D.M.* *Happiness: A History.* N.Y.: Grove Press, 2006; etc.
- 4 См.: *Rosenwein B.* *Happiness in Old Age: A Very Brief History of a Complex Topic* // *The Routledge History of Happiness* / Ed. by K. Barclay, D. McMahon, P.N. Stearns. L., N.Y.: Routledge, 2024. P. 70—82.
- 5 *Беньямин В.* О понятии истории / Пер. с нем. С. Ромашко // *Новое литературное обозрение.* 2000. № 6. С. 81.

ображение захвачено счастьем, наши жизни *перманентно, до самого краешка* заполнены им <...>. Больше не принято считать, что счастье хоть как-то связано с судьбой, обстоятельствами или отсутствием недугов, что оно дает оценку всей жизни или служит жалким утешением для глупцов. Теперь счастье рассматривается как мировоззрение, которое можно сформировать силой воли, как результат применения наших внутренних сил и подлинного “я”, как единственная цель, ради которой стоит жить, как стандарт, по которому измеряется ценность наших биографий, размер наших успехов и неудач, а также наше психическое и эмоциональное развитие» (с. 18). Важно отметить, что эти изменения произошли не сами собой, а благодаря целенаправленным усилиям лидеров позитивной психологии и коучей, создавших глобальные «фабрики счастья» и зарабатывающих огромные деньги⁶. Апеллируя к работам М. Фуко, авторы книги рассматривают позитивную психологию как дискурс знания-власти, конструирование новых социальных норм («осознанно быть счастливым») и патологий (подаваться негативным эмоциям).

Современная культура счастья основана на потреблении не просто товаров и услуг, а эмоций, идентичностей и «эмодуктов» (emodities). Последние строятся как переплетение трех составляющих: эмотивов — эмоциональных высказываний, развертывающихся в процессе коммуникации⁷; элементов биополитики (в ее понимании Фуко) — стремления к максимизации собственной эффективности и претензии на власть, значимость и авторитет именно ввиду эффективности; наконец, утопического обещания «эмоциональной трансформации» *в будущем*. Яркими примерами «эмодуктов» становятся сегодня интернет-приложения для смартфонов, такие как «Track Your Happiness», «Happy Life», «Happy Habits: Choose Happiness», «The H[app]athon» и «Happify». Только на последнее

из них к концу 2018 г. подписались более трех миллионов пользователей, согласившихся платить по 15 долларов в месяц (с. 215). Приложение постоянно вознаграждает пользователей условными баллами за выполнение задач; отслеживает их состояние по мере реализации заданий; предоставляет ежедневную статистику их «эмоционального фитнеса» и регулярно проводит интернет-соревнования и челленджи на тему «кто счастливее». После завершения программы пользователям предлагаются другие курсы и продукты.

Основная часть книги посвящена анализу дискурсивной механики и инфраструктуры позитивной психологии, которая «используется для легитимации индивидуализма в, казалось бы, неидеологических условиях посредством нейтрализующего и авторитетного дискурса позитивной науки» (с. 29). Здесь подробно рассматриваются: история распространения образовательных программ позитивной психологии по всему миру — в колледжах и университетах США, Канады, Великобритании, Китая, Объединенных Арабских Эмиратов и Индии; появление в организациях США и Европы должности директора по счастью; попытки создания министерств счастья и введения «валового продукта счастья» (ВПС). Все эти

-
- 6 По данным Иллуз и Кабанаса, коучинговый бизнес приносит 2,356 миллиарда долларов в год (с. 51).
- 7 Это понятие ввел историк эмоций У. Редди: *Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2004.*

столь разные процессы подчиняются общему тренду: психология личности вытесняет социальную проблематику. Между тем подлинным источником современных проблем, по мнению Иллуз и Кабанаса, выступают не негативные эмоции, а падение доходов, расслоение среднего класса и рост прекарной занятости в неолиберальном обществе. «Несколько десятилетий назад Кристофер Лэш утверждал, что в трудные времена повседневная жизнь превращается в упражнение на “психическое выживание”: люди в нестабильной, рискованной и непредсказуемой обстановке прибегают к своего рода эмоциональному отступлению от любых обязательств, кроме своего психического самосовершенствования и личного благополучия. Также Исая Берлин отмечал, что отступление во “внутреннюю цитадель”, индивидуалистическую доктрину, побуждающую нас скрыться в крепости нашего “я”, возникает, когда внешний мир оказывается исключительно скучным, жестоким или несправедливым» (с. 117). Ключевую роль в обсуждаемых процессах сыграл кризис 2008 г.: масштабный спад экономики и последующее замедление темпов ее развития поставили вопрос о новых стратегиях максимизации прибыли. Позитивная психология перекладывает эти проблемы на рядовых потребителей, легитимируя тем самым растущий разрыв доходов в обществе.

Еще в 1974 г. известный американский экономист и социолог Р. Истерлин обнаружил парадокс: увеличение доходов до определенного уровня прямо пропорционально росту счастья; но дальнейший рост материального благополучия не делает людей счастливее. Их ощущение счастья зависит скорее от соотношения своего положения с положением представителей других социальных групп: если благосостояние последних улучшается, уровень счастья может падать даже при относительном росте дохода. Позитивная психология предлагает считать себя счастливее других, не обращая внимания на материальное благополучие. По сути, речь идет об интернализации социальной иерархии: парадокс Истерлина не исчезает, но переносится из социальной плоскости в психологическую. Поэтому Иллуз и Кабанас делают достаточно жесткий вывод: «Счастье, кажется, придает блеск гуманизма дегуманизирующему мировоззрению технократии» (с. 90).

Далее авторы отстаивают еще несколько важных тезисов. Обида, недовольство, скорбь и другие негативные эмоции неизбежны и необходимы в определенных ситуациях. «Народные протесты и социальные изменения происходят благодаря массе рассерженных и недовольных граждан» (с. 318). И действительно, женское движение, афроамериканцы и новые левые в 1960-е гг. активно использовали недовольство и социальный негатив для того, чтобы изменить общество к лучшему. Позитивная психология и индивидуалистическое понимание счастья не могут заставить негативные эмоции просто исчезнуть, они репрессируют их и вытесняют в бессознательное (связанное у Фрейда с сексуальностью). В свое время Фуко убедительно показал, что в викторианскую эпоху сексуальность репрессировалась не для того, чтобы ее полностью уничтожить, а чтобы контролировать желания и управлять ими. Аналогичным образом действует сегодня позитивная психология: она не уничтожает обиду, ненависть и resentment, а стремится снять их социальные импликации. При этом интерес к сексуальности в XIX в. скорее рос, чем снижался. Аналогичным образом одиночество, депрессия и resentment в современном обществе скорее растут, чем уменьшаются. И эти негативные эмоции становятся мотором для целого ряда политических сил, прежде всего правых популистов, критикующих неолиберальное общество и идеализирующих прошлое.

Важно отметить также, что позитивная психология не только торгует «эмодуктами», но и меняет представления о личности. Она приводит к еще одному витку коммодификации идентичности, идеализируя «личный брендинг» как «искусство инвестирования в себя с целью повышения шансов на успех, удовлетворение и тру-

доустройств» (с. 234). По данным социологических опросов, 79% американских студентов согласны с утверждением: «Я осознаю, что мое имя — это бренд, и мне нужно тщательно его развивать» (с. 237). Социальные интернет-сети воспринимаются с этой точки зрения как площадки для публичной демонстрации счастья. Однако значительная часть молодежи недовольна такой установкой, считает ее неискренней и испытывает серьезное разочарование, размещая «счастливые» посты, не соответствующие их реальному самоощущению⁸.

Наконец, Иллуз и Кабанас подчеркивают важность социальной составляющей счастья — его взаимосвязи с общезначимыми и культурными ценностями. Кроме того, в современных представлениях о счастье сохраняется элемент утопической устремленности в будущее, которая была принципиально важна для эпохи модерна и ярко проявляется в процитированном выше тезисе Бенямина. В этом смысле неолиберальная модель счастья приватизирует утопические надежды и ожидания будущего. Однако есть ли альтернатива такой приватизации? Этот важный вопрос остается в книге без ответа, хотя авторы понимают его важность: «Культ счастья — это в лучшем случае отвлекающий маневр, а не лекарство от нарастающих чувств уязвимости, бессилия и тревоги. <...> Людям, безусловно, нужна надежда, но она должна быть без отупляющего, деспотического, конформистского и почти религиозного оптимизма, который, как отмечает Терри Иглтон, подается вместе со счастьем. Нам нужна надежда, основанная на критическом анализе, социальной справедливости и коллективных усилиях, непатерналистская, не решающая за нас, что для нас хорошо, и не стремящаяся избавить нас от худшего, но вместо этого ставящая нас в более выигрышное положение, чтобы противостоять ему. Не как отдельных индивидуумов, а вместе, как общество» (с. 317). Однако как именно нужно поддерживать такую надежду? Какие устойчивые формы, способные оказывать реальное воздействие на общество, может она принимать?

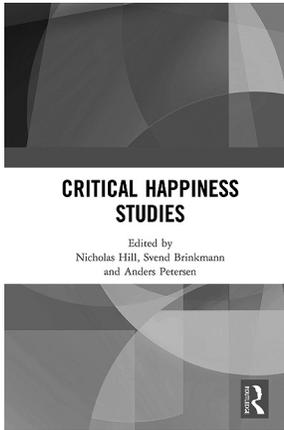
Счастье как нарративный конструкт: критические исследования

Ответить на эти вопросы пытаются авторы сборника статей «Критические исследования счастья» под редакцией Николаса Хилла, Свенда Бринкманна и Андерса Петерсена. Исследователи во многом согласны с тезисом Иллуз и Кабанаса (которым принадлежит одна из статей сборника) о том, что распространение неолиберальных представлений о счастье сопровождается ростом депрессий и resentimenta. Однако отличает книгу акцент на встроенности этих представлений в более масштабные *нарративы*, предлагающие общее видение мира, картографию ценностей, поколенческих установок и личных интересов. Ярче всего этот вектор анализа проявляется в статье *Карла Седерстрёма* из Стокгольмского университета «Счастье как моралистская фантазия». Автор обозначает три наиболее известных нарратива счастья: классический (преобладавший от Античности до Ренессанса), коллективистский эпохи модерна (ярким проявлением которого стали идеи поколения 1968 г.) и преобладающий сегодня в западном обществе неолиберальный. Классический нарратив связывал счастье с удачей, фортуной и подчеркивал его зависимость от сложной иерархии добродетелей, не сводимых к гедонистическим удовольствиям. В эпоху модерна счастье стало восприниматься как баланс личной

---

8 Подробнее см.: *Freitas D. The Happiness Effect: How Social Media Is Driving a Generation to Appear Perfect at Any Cost. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2017.*

и социальной самореализации. При этом принципиально важны были три элемента, отсутствовавших в классическом нарративе: ощущение подлинности (аутентичности), простые удовольствия и работа. Последняя не просто обеспечивает благополучие семьи, а дает надежду на спасение (в смысле протестантской этики у М. Вебера). А подлинность, или аутентичность, предполагает открытость миру, возможность высказывать свои чувства и идеи, а не ограничивать их в соответствии с придворным этикетом или представлениями о высших добродетелях. В рамках и классического, и современного нарративов личное счастье оказывается невозможным без политического/морального сообщества. В неолиберальной модели конца XX — начала XXI в. эти общественные элементы полностью отходят на задний план, а на передний выходят гедонистические удовольствия. Работа становится ценной потому, что дает деньги, а не обещает спасение или самореализацию. Важно отметить также ключевую для выстраивания фабулы в этом нарративе роль кризиса: достичь счастья можно лишь путем преодоления личных (внутренних) барьеров.

Столь масштабное сравнение, действительно, придает контрастность исследованиям счастья, но при этом выявляет слишком много лакун, контртенденций и просто отдельных текстов, которые не очень вписываются в какие-либо «эмоциональные режимы». Оно может служить лишь фоном для исследований конкретных кейсов⁹. С точки зрения Седерстрёма, представления о счастье и их нарративные воплощения не полностью исключают друг друга, а часто сохраняют преемственность, лишь меняя акценты и выводя на передний план ранее остававшиеся в тени элементы. Неолиберальная модель счастья появилась не на пустом месте, а во многом опиралась на установки общества благосостояния 1950—1960-х гг. (включая идеи свободы и экзистенциальной подлинности). Более

того, отголоски этих идей в современном обществе не исчезли совсем, а оказались деактуализированы, сданы в архив и не очень востребованы (как процитированный выше второй тезис Бенямина). «Дискурсивный подход к анализу счастья, который я отстаиваю, — пишет К. Седерстрём, — помогает продемонстрировать его историческую и политическую контингентность. При рассмотрении моральных ценностей, лежащих в основе наших сегодняшних фантазий о счастье: будьте искренними, наслаждайтесь, развивайте свою рыночную ценность — становится ясно, что они не только отличаются от ценностей, одобренных в предыдущие эпохи, но и могут измениться в будущем» (с. 31).

В этом контексте крайне важно, что сборник включает в себя не только анализ известных философских текстов, но и социологические исследования обыденного языка полупоформализованных интервью, в которых представители разных социальных групп, поколений и стран высказываются о счастье. Например, *Николаас Хилл* из Мельбурнского университета анализирует интервью преподавателей и студентов, обучающихся на программах позитивной психологии, фиксируя в том числе их сомнения в продуктивности и критику этих программ. *Лаура Хайман* из

9 В качестве яркого примера такого исследования можно вспомнить работу Х. Арендт о понятии всеобщего счастья в эпоху Просвещения: *Арендт Х. Стремление к счастью // Арендт Х. О революции / Пер. с англ. И. Косича под ред. А. Павлова. М.: Европа, 2011. С. 156—191.*

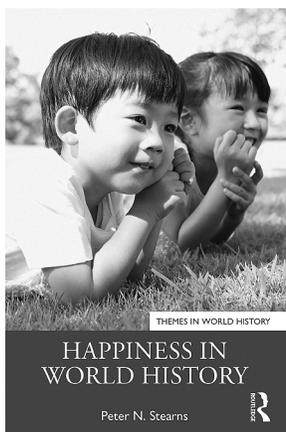
Портсмутского университета работает с полужформализованными интервью, посвященными взаимосвязи счастья и грусти, — взаимосвязи, крайне важной для современной популярной культуры и выступающей, по мнению исследовательницы, показателем сензитивности как маркера принадлежности к среднему классу. Социолог *Марк Сеслик* из Нортумбрийского университета в статье «Социология, биографический метод и развитие критических исследований счастья» обращает внимание на важность солидарности, альтруизма и взаимопомощи в интервью представителей разных поколений. Такие установки труднее верифицировать, но они играют заметную роль для огромного количества людей и в повседневных тактиках, и на уровне осознаваемых ценностей. Все эти исследования показывают, что неolibеральные представления о счастье нельзя абсолютизировать: люди ситуативно выстраивают баланс между личными и коллективными интересами, между прагматическими ожиданиями благополучия и (модернистскими) представлениями о солидарности.

Социальная история счастья в эпоху модерна

С точки зрения известного американского историка, редактора «Журнала социальной истории» *Питера Стернса*, «революция счастья» произошла не в 2000-е гг., а еще в XVIII в. и стала неотъемлемой частью самого феномена модерна. Капитализм складывался не просто в результате промышленного переворота или секуляризации протестантской этики — он соединил их с модернизацией повседневных практик и эмоциональных норм, ориентированных на удовольствие и (в пределе) на достижение счастья. Капитализм сохраняет господство во многом потому, что связывает между собой экономический рост, пространство повседневности и ориентированный на достижение счастья эмоциональный диспозитив. Хотя критика капитализма и общества потребления в духе Иллуз вполне справедлива, но действенной альтернативы ему до сих пор нет. Более того, подобная критика все чаще используется как оправдание собственных прагматических интересов консервативными и фундаменталистскими региональными элитами, которые под лозунгом возвращения национальных традиций пытаются укрепить свою власть, призывая отказаться от гедонистических («западных») ценностей. На этом фоне Стернс подчеркивает сохранение потенциала европейского проекта модерна, который еще не исчерпал себя. Индустрия счастья производит товары и связанные с ними позитивные эмоции, которые во многом гасят социальные противоречия, стресс и депрессию от растущей эксплуатации и снижения социальной мобильности. Причем соединение материального благополучия и позитивных эмоций рассчитано прежде всего на средний класс, существенное расслоение которого происходит в 2000-е гг. В этом контексте идеал счастья выступает как своеобразный фармакон, яд и лекарство одновременно. Он позволяет решать часть проблем современных обществ, но консервирует и свойственные капитализму противоречия.

Обосновывая датировку «революции счастья» XVIII в., Стернс обращается, во-первых, к словоупотреблению. Гугл-диаграммы использования слов в литературных текстах фиксируют активный рост употребления слова «счастье» на протяжении всего XVIII в. и постепенный спад после середины XIX в. Выражение «счастливая семья» стало все чаще использоваться спустя пятьдесят лет, но сохраняет свою распространенность до современности. «Примечательно, что слово “fun” (веселье, забава, шутка. — *Ф.Н.*), происходящее от более ранних средневековых терминов, обозначавших шутов или дурачков, впервые было использовано как глагол в 1680 г., а как существительное — в 1700 г. Оно продолжало ассоциироваться

с фокусами или мистификациями примерно до 1730 г., после чего стало относиться к обычным развлечениям в их современном восприятии» (с. 91). Во-вторых, как и в других своих работах¹⁰, Стернс доказывает, что консьюмеристская колонизация повседневности началась в Великобритании XVIII в., когда достаточно широкое распространение среди городского среднего класса получили привезенные из колоний сахар, чай, кофе, шоколад, ром, а также связанная с ними инфраструктура: универсальные магазины, кафе, реклама и т.д. Одновременно в Европе XVIII в. происходит победа открытой улыбки (и сопровождающей ее стоматологии), которая раньше была невозможна и считалась признаком дурного тона: «У французского “Короля-Солнца” Людовика XIV не было зубов. Возможно, самая известная улыбка итальянского Возрождения, — улыбка Моны Лизы, — выглядит такой загадочной потому, что она тщательно старалась не показывать свои испорченные или отсутствующие зубы. Кроме того, широкая улыбка и открытый смех часто подвергались критике как прискорбное отсутствие эмоционального контроля. Манеры высшего сословия предполагали, что громкий смех является признаком плохого воспитания и ничем не лучше, чем зевание или испускание газов. В 1703 г. один французский писатель отмечал: “Бог не дал бы людям губы, если бы хотел, чтобы зубы были выставлены напоказ”» (с. 92). Книга Стернса содержит в себе множество таких занимательных анекдотов, однако автор крайне редко задается вопросом о степени их репрезентативности и подменяет анализ культурных взаимосвязей между словами, вещами и практиками всего лишь перечислением забавных кейсов, которые наверняка понравятся широкой аудитории.

Чуть лучше дело обстоит в главах, посвященных социологическим опросам второй половины XX — начала XXI в.: выводы социологов здесь соотносятся между собой. Кроме того, Стернс подчеркивает, что результаты этих опросов нуждаются в дополнительной интерпретации, учитывающей данные когнитивных исследований, а также экономических, культурных и социальных факторов: возраста, гендерной и особенно классовой принадлежности. Например, Стернс комментирует проведенное в 1972 г. психологическое исследование факторов успешности, в ходе которого детям давали сладости и предлагали не есть их сразу, обещая через десять минут дать в два раза больше. Организаторы исследования интерпретировали его результаты в рамках индивидуальной психологии — демонстрируя влияние доверия и готовности контролировать свои эмоции на успешность. При этом игнорировались социальные аспекты исследования, в частности то, что дети из высшего или высшего среднего класса легче могут себе позволить доверять другим, чем дети бедняков, или что для последних сладости являются гораздо большей ценностью (с. 18). Стернс настаивает, что все социальные исследования требуют интерпретации, учитывающей культурные факторы, включая темпоральные установки — надежды на будущее и разочарование в этих надеждах (с. 199).

Социально-культурную обусловленность темпоральных установок Стернс показывает, подробно комментируя масштабный социологический опрос «Глядя в 2000 г.», который проводился в начале 1970-х в тридцати социалистических, ка-

10 См. о них: *Игаева К.В., Мордвинов А.А.* Социальная история консьюмеризма в работах П. Стернса // Диалог со временем. 2022. № 80. С. 425—429.

питалистических и развивающихся странах. В Индии 52% респондентов считали, что в 2000 г. счастья будет больше, при этом 46% оценивали настоящее как настолько тяжелое (несчастливое), что только надежда на будущее придавала им силы (с. 177). В социалистической Чехословакии 57% респондентов верили в светлое/счастливое будущее, но лучше оценивали современность (лишь 31% был недоволен ею). И лишь 10% жителей капиталистических стран (британцев, норвежцев и датчан) верили в светлое будущее — они были гораздо более довольны настоящим (лишь 17% называли себя несчастными). В Японии (тоже капиталистической и экономически успешной) 36% респондентов были недовольны настоящим и 42% надеялись на будущее. Стернс подчеркивает невозможность прямого соотнесения этих данных с политическими факторами и необходимость их соотнесения с другими социологическими исследованиями, включая «Всемирное исследование ценностей» Р. Инглхарта.

На этом фоне очень странным выглядит отказ автора от использования прямых ссылок — лишь в конце глав он предлагает литературу для дальнейшего чтения. К другим недостаткам работы можно отнести поверхностный характер глав, посвященных антропологическим данным об обществах охотников и собирателей, а также представлениям о счастье в античной философии и религиозной мысли Средневековья. В главе о «коммунистическом счастье» любопытен тезис о попытках манипуляции наследием советского проекта со стороны элит в Китае и России. Целью этих манипуляций выступает конструирование нового баланса в представлениях о будущем: условно говоря, 30% советской ретротопии — в расчете на пожилых людей и прекариат; 30% либерального благополучия — прежде всего для среднего класса крупных городов; 40% националистической ретротопии как оправдания перераспределения благ — в интересах элит. Идея весьма любопытная, но также слишком поверхностная и не верифицируемая на материале источников.

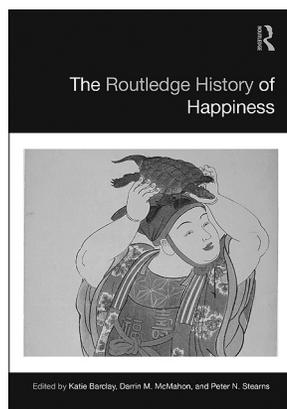
В целом тезис Стернса о необходимости диахронического анализа представлений о счастье в соотнесении с социальной историей представляется вполне справедливым. Можно согласиться и с его мыслью о ключевом влиянии общества модерна на «индустриализацию» счастья — неразрывную взаимосвязь представлений о материальном благополучии и массового производства товаров и услуг. С этой точки зрения позитивная психология является скорее продолжением той инфраструктуры, что сложилась в обществе потребления эпохи модерна. Как и Иллуз с Кабанасом, Стернс пока не видит реальных альтернатив существующей системе. Однако будущее остается для него открытым для изменений и поиска ответов на актуальные вопросы, касающиеся в том числе снижения социальной мобильности, роста прекариата и смещения вправо национальных элит.

Культурное наследие и политическое измерение счастья

Вопрос об альтернативах неолиберальной модели счастья находится в центре внимания и авторов сборника статей «История счастья» под редакцией Кэти Барклай, Дэррина Макмагона и Питера Стернса. Культурная история эмоций здесь включается в диалог с социальной антропологией. Многие статьи посвящены неевропейским сюжетам: представлениям о счастье в Ботсване, Бутане, Нигере, Японии и других странах. Так, в статье «Счастье и буддизм: современный роман, или сказка, старая как время?» *Ланг Чен* из Мичиганского университета рассматривает дзэн-буддизм Д.Т. Судзуки в США и его отношение к эмоциям. *Бекки Ян Сюй* и *Джозелин Лу* из Джорджтаунского университета в статье «Счастье и скорбь: семейные узы и траур в Китае» изучают ритуал подметания могил на праздник Цинмин, в

котором ежегодно принимает участие около миллиарда человек (78% населения Китая), и отношение памяти об утратах к восприятию счастья. Такие исследования достаточно важны, поскольку показывают многообразие антропологических представлений о счастье, однако они рассчитаны скорее на узкий слой академических исследователей и потому едва ли будут интересны широкой аудитории. Между тем несколько другие статьи сборника представляются крайне важными.

Профессор Бейтс-колледжа *Джейн Костлоу* в статье «Кто счастлив на Руси?», название которой явно отсылает к поэме Некрасова, задается вопросом: почему самые разные социологические опросы 1990—2000-х гг., включая «Всемирное исследование ценностей» под руководством Инглхарта, фиксируют достаточно низкий уровень счастья в России? Сам Инглхарт и его коллеги-социологи объясняют эти показатели экономическим и социальным кризисом 1990-х, уточняя, что ценности и установки поколений почти не меняются со временем: люди, привыкшие к выживанию, не станут со временем постматериалистами — ценителями автономии, самовыражения и индивидуальной свободы выбора¹¹. Костлоу добавляет к этому объяснению еще два фактора: во-первых, она указывает на специфическое отношение к счастью в российской дореволюционной, советской и постсоветской культурной традиции от Пушкина, писавшего: «На свете счастья нет, но есть покой и воля», — через Толстого и Достоевского — к Бродскому и Линор Горалик*. Одним из наиболее ярких проявлений этой культурной традиции автор считает ответ режиссера А. Тарковского на вопрос американского студента: «Как достичь счастья?» — «А почему Вы думаете, что должны быть счастливы?» (с. 261). С точки зрения Костлоу, проявления депрессии в современных медиа (например, в «Грустнограме», <https://grustnogram.ru/>) являются не просто реакцией россиян на текущие события и конфликты, а частью культурного наследия, в рамках которого (со)страдание и отказ от личного благополучия во имя общественных идеалов выступали важным элементом достойной жизни, а быт противопоставлялся бытию¹².

Второй фактор, справедливо отмечаемый автором, — это политический момент: постматериальные ценности молодежи и коллективистские ценности выживания старших поколений (в терминологии Инглхарта) не просто сосуществуют и сосуществуют, а конфликтуют друг с другом. Причем давление здесь имеет односторонний характер: пожилые когорты не только сами воспроизводят привычную жизненную стратегию, но и *заставляют* выживать молодежь, участвуя в текущих конфликтах. Тогда как признающие ценность свободы личного выбора молодые когорты не стремятся (и не имеют ресурсов) «перевоспитать» старшие поколения. Для последних счастье связано с (относительной) безопасностью, «стабильностью» и кон-

сервацией привычного образа жизни, а молодые постматериалисты вынуждены выбирать между неолиберальным комфортом (на Западе) или культурной тради-

11 Количество постматериалистов во всем мире (как и в России) в 2000-е гг. растет именно за счет молодежи, которая не беспокоится о голоде и выживании. См.: *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Пер. с англ. С.Л. Лопатиной. М.; Челябинск: Социум, 2020. С. 220—226.

* Включена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

12 Об этом ярко писала С. Бойм: *Бойм С.* Общие места: мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 14.

цией «страдания за идеалы» в России. С этой точки зрения современные конфликты и войны идут не просто за территории, но за ценности и представления об общем благе. И у неолиберальной модели счастья уже есть вполне работающая консервативная альтернатива, которую поддерживают многие правые популисты не только в Китае или России, но и в США, и в ЕС. Тогда как левые (в XX в. ориентированные именно на будущее) пока не могут предложить нового эмоционального режима.

Рост позиций правых популистов и отсутствие альтернативных проектов достижения общего блага у левых оказываются в центре внимания социолога из Бирмингема *Росс Эббиннетт*. В статье «Политика, счастье и несчастливое наследие: либеральные демократии и возвращение фашистского популизма» она отмечает, что современные правые популисты во многом являются наследниками фашистских идей величия своей расы, гендерного шовинизма, антагонистического неприятия других культур. Она также принципиально не согласна со Стернсом в оценках современного неолиберализма, который, по ее мнению, умирает. Причем именно неолиберализм разрушал и продолжает разрушать институты гражданского общества, такие как университет, здравоохранение и государство благосостояния, что порождает resentment, которым питаются сторонники правых популистов. Последние предлагают вполне жизнеспособную повестку, включающую в себя конструирование основанного на resentment морального сообщества и относительную стабильность, противопоставляя ее разочарованию от сбоев социальной мобильности. Эббиннетт напоминает, что экономическая политика правых и в 1930-е гг., и позже (например, во франкистской Испании 1950—1960-х гг.) была вполне конкурентоспособна по сравнению с либеральной, а значит, было бы ошибкой игнорировать такую альтернативу сегодня. В этом контексте исследовательнице представляется крайне важным проанализировать отличия разных вариантов правого популизма в Китае, Венгрии, Турции, России и других странах, включая противоречия ценностных установок его сторонников.

Вопрос о будущем принципиально важен и для статьи *Кэти Барклай* «Радость будущего», выступающей эпилогом книги. Здесь поднимается проблема различий между счастьем, удовольствием и радостью (joy) — эмоцией, которая может выступать «самосбывающимся пророчеством» (с. 449). Для всех этих терминов характерна устремленность в будущее. Счастье представляется автору наиболее отрефлексированным понятием, связанным с идеей общего блага. Но в его основе лежит не всегда отрефлексированная установка на валоризацию ситуативных моментов радости и надежды. Задача исследований счастья — подчеркнуть важность осознанных и коллективных усилий движения в сторону этой надежды. Барклай считает, что этот коллективизм далеко не всегда связан с выживанием и подчинением представителей других культур и поколений. Используя метафору Беньямина, такое отношение можно назвать «независтливостью по отношению к будущему». Впрочем, как именно это работает в современных условиях, из эпилога Барклай не очень понятно. Идеализация молодежи (для которой особенно важны веселье и радость) как социальной силы, меняющей общество к лучшему, происходит здесь с оглядкой на прошлые достижения молодых бунтарей поколения 1968 г., на которых современные миллениалы и зумеры не очень похожи.

* * *

Рассмотренные книги сильно отличаются друг от друга. Е. Иллуз и Э. Кабанас деконструируют устройство неолиберальной «фабрики счастья». Авторы «Критических исследования счастья» стремятся показать внутренние противоречия господст-

вующих нарративов и их переплетение в обыденном языке разных социальных групп. П. Стернс считает, что сложившаяся в эпоху модерна либеральная модель счастья до сих пор скорее работает, чем находится в кризисе, и ей нет альтернатив. Д. Костлоу и авторы сборника «История счастья» переносят акцент на политическое измерение счастья и представлений о достойном будущем существующих обществ. Однако все эти исследования объединяет то, что счастье рассматривается в них не просто как социальный конструкт, а как комплекс ценностей, прагматических установок, эмотивов и «эмодуктов». И все они признают важность взаимосвязи представлений о счастье и самой идеи будущего. Историк Э.П. Томпсон писал в свое время о становлении британского рабочего класса в том числе через политизацию его темпоральных представлений. Современный капитализм формирует средний класс, в том числе кодируя представления о счастье как достижение материального и эмоционального благополучия не в отдаленном будущем, а прямо «сегодня». Горизонт ожидания при этом схлопывается до минимума. Правые популисты предлагают восстановить этот горизонт, развернув его в прошлое, — ностальгически идеализируя национальную идентичность и подменяя социальную мобильность смесью национальной гордости и ресентимента. Третьей альтернативы этим моделям пока нет. И не будет без понимания механизмов взаимосвязи эмоциональных практик и темпоральных представлений молодежи, прекариата, низшего среднего класса и тех «воображаемых сообществ», которые заинтересованы в модернизации современного мира и преодолении набирающих силу конфликтов.